

Нина Крутикова

Слово Гоголя в украинике Бунина

(Очерк)

Вспоминая в романе «Жизнь Арсеньева» свои отроческие и юношеские годы, И. Бунин писал о том, как он впервые знакомился с Украиной, ее городами и селами, с народом, вошедшим в его сознание как носитель былой казацкой вольности, создатель удивительных дум и песен. Его привлекала оригинальность облика украинских селян, их «южная речь» и приветливость в общении.

Вспоминает Бунин и о том, что его раннее чтение было богатым и разнообразным: здесь и «Дон Кихот», и «Робинзон», и герои Вальтер Скотта, конечно, Пушкин, его стихи, поэмы и сказки. Пролог «Руслана и Людмилы («У Лукоморья дуб зеленый») поразил отрока новизной, загадочностью простых слов, ставших одной из его «высших радостей».

Не менее сильное впечатление произвели на него «Старо-светские помещики» и «Страшная месть». Гоголь однажды сказал, что у Пушкина каждое слово несет в себе «бездну пространства». Но такую же «бездну» несло в себе и каждое слово Гоголя.

Не забудет Бунин старинные дворянские поместья, их «нюющие дыри» и «прекрасный летний дождь», который «роскошно шумит по саду», и диких котов, «обитающих за садом, в лесу».

А «Страшная месть» открывала новые полуисторические, полу-фантастические дни: тут и свадьба сына есаула Горобца «в конце Киева», куда приехал с ратного поля Данило Бурульбаш, тут была и его жена — прекрасная Катерина, неожиданно появился страшный колдун, привносящий обман и трагизм в праздничные события.

И открывался не бурный, а тихий белый Днепр, который, однако, при дуновении ветра «дергался, как волчья шерсть среди ночи».

Не забудет писатель сказать и о такой детали, как тихая беседа Катерины с мужем, когда на руках у нее ребенок — и она вытирает ему лицо платком, на котором вышиты красным шелком листья и ягоды («то самое, что я вижу, — замечает писатель, — помню и люблю всю жизнь»).

И все это, говорит Бунин, входило, по выражению Гоголя, в «его жизненный состав», вело к нравственно-философским суждениям, порождало «чувство священной законности возмездия, необходимость конечного торжества добра над злом», и что это чувство, как утверждал Гоголь, «есть несомненная жажда Бога, вера в него».

Постепенно усиливалось внимание Бунина не только к повестям Гоголя, но и к его письмам и записным книжкам.

«Дивлюсь, — пишет Бунин в романе, — как я мог тогда, в Каменке, разительно точно видеть все эти картины? К одному я был холоден и забывчив, другие ловил со страстью, навсегда запоминая, закрепляя за собой, и чаще всего действовал при этом с удивительной верностью чутья и вкуса».

Конечно, правы критики, уверенные в том, что воспоминания о ранних годах, помещенные в романе «Жизнь Арсеньева», Бунин писал много лет спустя, перечитывая и дополняя их жизненным опытом. Но все же это не исключает удивительной памяти и зоркости взгляда ранних лет писателя. Не следует также приравнивать лирическое «Я» Бунина к «старинным фотографиям, поэтической документалистике» как это находим в обширной и в общем содержательной статье В. Базилевского, помещенной в книге «Зав'язь дум і вільний лет пера».

Украина постепенно становится знакомой и привлекательной для Бунина. Вслед за старшим братом Георгием (Юлием) он начинает работать в «Орловском вестнике», занимаясь редакционной работой и журналистской деятельностью. Здесь, отчасти под влиянием «поднадзорного» Юлия, он оказывается в кругу народнической интеллигенции. Затем переезжает в Полтаву, где тот же Юлий ведает земской управой, и принимает участие в редакции местных изданий, а впоследствии становится ненадолго земским библиотекарем. В эти дни печатает свои жизненные наблюдения, а порой и стихи.

Начиная с 1891 года, Бунин посещает памятник — вечное пристанище Тараса Шевченко в Каневе. По дороге к нему нередко оставляет поезд, много идет пешком, знакомясь с украинскими селами, с казаками-«бродниками», кобзарями и лирниками. Описанию памятника великого народного поэта посвящает статью («Казацким ходом»). В результате записи сказаний одного из «лирников» явился его чудесный рассказ-песня под названием «Лирник Родион». Некоторые записи произведения как бы предвворяют будущий роман Бунина.

«Я в те дни, — писал он, — был влюблен в Малороссию, в ее села и степи, жадно искал сближения с ее народом, жадно слушал песни — душу его... Бог благословил меня слышать многих из этих странников, вся жизнь которых была мечтой и песней, душе которых еще — были близки и дни Богдана, и дни Сечи, и даже те

дни, за которыми проступала сказочная древнекарпатская синь Карпатских высот». Это восприятие Украины, ее степей, давней истории вошло спустя годы в роман «Записки Арсеньева».

Надолго запечатлелся и образ «лирника» Родиона, слепого, одинокого, но обладающего талантом и немалым репертуаром: «он пел и «псалмы», и про Нечаевскую божью мать, про Киев и Софиевский собор, про долю девочки-сиротки, привлекавшей особое внимание женской аудитории».

И сложные думы, и впечатления дорог к пристанищу великого поэта Шевченко как бы вливались впоследствии в широкую рамку романа Бунина («Жизнь Арсеньева»).

Можно сказать, что самыми важными «проводниками» по Украине для него были Гоголь и Шевченко.

Дальнейший жизненный путь писателя его биографы называли «полтавским периодом». Полтава тогдашняя, как ее описывали приезжие, утопала в густых садах, необыкновенно высоких тополях, с гетманским собором на обрыве. А главное для Бунина заключалось в том, что в этих краях учился Гоголь, здесь был весь окрестный край его: Миргород, Яновщина, Шишаки, Яреськи... Любуясь весной, Арсеньев и Лика вспоминали гоголевские слова: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!».

В эти дни далеким и холодным им казался Петербург. Бунин вспоминал при этом памятные письма Гоголя, в частности, его письмо из Италии В.А. Жуковскому: «Петербург, снега, подлецы, департамент, театр — все это мне снилось: я проснулся опять на родине» [1]. И уже от себя Бунин добавляет: «Вот и я также проснулся тут. Не могу спокойно слышать слов: Чигирин, Черкасы, Хорол, Лубны, Чертомлык, Дикое Поле — не могу без волнения видеть очеретяных крыш, стриженных мужских голов, баб в желтых и красных сапогах... даже лыковых кошелок, в которых они носят на коромыслах вишни и сливы... Чайка скиглить літаючи, мов за дітьми плаче, сонце гріє, вітер віє на степу козачім... * Прекраснее Малороссии нет страны в мире».

Следует заметить, что не только гоголевские повести и письма привлекали И. Бунина. В увлечении он порой восклицает: «Лучше всего у Гоголя его «Записная книжка». И в подтверждение цити-

* «Это Шевченко — совершенно гениальный поэт!»

рует несколько гоголевских, действительно прекрасных и многообещающих записей 1846–1851 гг.

Одна из них: «Степная чайка с хохлом в виде скобки поднимается с дороги... Рубеж во всю дорогу, зеленый, с растущими на нем бродягами, и ничего за ним, кроме безграничной равнины. Подсолнечники над плетнями и рвами, и соломенный навес чисто вымазанной хаты, и миловидное, красным ободком окруженное окошко. Ты древний корень Руси, где сердечней чувство и нежней славянская природа!»

Как бы вслед за Гоголем, Бунин записывает собственные впечатления для будущих произведений («...серое от зноя небо, ястреба и сивоворонки...»). И после проезда через Шишаки вновь вспоминает отрывок из гоголевской записной книжки: «И вдруг среди ровной дороги — обрыв в глубину и вниз, а в глубине леса, а за лесами леса, за близкими зелеными... — отдаленные синие, за ними полоса песков серебряно-соломенного цвета... Над стремниной и кручей махала крыльями скрипучая ветряная мельница...» Красочность, живое ощущение природы и свободы восприятия ее — в этом отрывке привлекла особое внимание Бунина...

Свойственна Бунину (он порой ощущает себя свободным казаком-«бродником») и прекрасная украинская историческая песня. Она не просто приводится в тексте, а, как и у Гоголя, входит в самое существо повествования, становится живой, близкой и неожиданно внезапной. Так подобная песня сперва «долго и грустно» повествует обстановку («Ой на горі та женці жнуть»), а потом крепнет и звучит волью, отвагой, воинским ладом.

Сперва казаков ведет «славный Дорошенко», а потом Сагайдачный, что «проміняв жінку на тютюн та люлька, необачний». Сперва песня удивляется столь странному человеку... Но вслед за тем «била в литавры, с особенной радостной свободой»:

Мені з жінкою
Не возиться,
А тютюн та люлька
Козаку в дорозі
Знадобиться.

Не от Гоголя ли восприняты и историческая песня и дума, неотъемлемые от повествования?

Правда, Бунин считал, что историческая Украина — бесценная и высокая, уже ушла в прошлое и не может возродиться. Но не будем упрекать Бунина, который так много и верно воссоздавал

былое украинского народа. Ныне дорога украинского народа — в будущее.

Трудно перечислить все города, которые посещал И. Бунин. Кроме вышеназванных — это Киев, Херсон, Харьков, Николаев... Из каждого постепенно все более открывалась ему Украина... «Страна же эта, — пишет Бунин, — грезилась мне необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше пленяла мое воображение и древностью своей, и современностью. В современности был великий и богатый край: красота его нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева, народа сильного и нежного, в каждой мелочи быта своего — красивого и опрятного, наследника славянства подлинного...» И далее «Слово о полку Игореве» во всех его богатых и высоких выражениях. Слово это, писал Бунин, «сводило меня с ума».

Нельзя не упомянуть и об Одессе, где Бунин встречался с южнорусскими художниками и журналистами. Многолетняя дружба, почти братские отношения установились у него с талантливым художником Нилусом, воплощавшим в искусстве красочность и тончайшие оттенки природного мира. Привлекала Бунина и исключительная музыкальность Нилуса. Все это находило отклик в эстетических поисках самого Бунина.

Бунин активно интересовался и украинским театром. В конце каждого года происходили съезды земских гласных по всей губернии. Затем наступали праздничные концерты. Об одном из них пишет Бунин: «Празднично прошла для нас и зима, были гастроли малорусского театра с Заньковецкой и Саксаганским, концерты столичных знаменитостей Чернова, Яковлева, Мравиной».

Особенное впечатление произвела на него игра Заньковецкой. Об этом свидетельствует его письмо к брату Георгию, где он восклицает: «Ну, брат, Заньковецкая! Три раза плакал от нее» [2].

Таким образом, «полтавский период» оказал многостороннее воздействие на представления писателя об Украине, увлеченного ее «думами», вольными песнями, богатством фольклора, творчеством украинских художников слова и театра. «Записки Арсеньева» — завершение прозы Бунина, ее пути от рассказов к оригинальному, неповторимому роману.

Примечания:

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. — М., 1932. — Т. XI. — С. 11.
2. Литературный Смоленск. — 1956. — С. 290.